

Автор Петр Гурьянов

Мне никогда не забыть, как однажды по вызову наша бригада приехала к пожилому священнику, которого свалил инфаркт. Он лежал на кровати в тёмно-синем подряснике с небольшим крестом в руках. Объективные данные говорили о кардиогенном шоке. Давление крайне низкое. Больной был бледен, с холодным липким потом, сильнейшими болями.

При этом внешне не просто спокоен, а **АБСОЛЮТНО** спокоен и невозмутим.

И в этом спокойствии не было никакой натяжки, никакой фальши. Мало того. Меня поразил первый же заданный им вопрос. Он спросил: «Много вызовов? Вы, наверное, ещё и не обедали?» И обращаясь к своей жене, продолжил: «Маша, собери им что-нибудь покушать». Далее пока мы снимали кардиограмму, вводили наркотики, ставили капельницу, вызывали «на себя» специализированную реанимационную бригаду, он интересовался, где мы живём, долго ли добираемся до работы. Спросил слабым голосом, сколько у нас с фельдшером детей и сколько им лет.

Он беспокоился о нас, интересовался нами, не выказывая и капли страха, пока мы проводили свои манипуляции, пытаюсь облегчить его страдания. Он видел наши озабоченные лица, плачущую жену, слышал, как при вызове специализированной бригады звучало слово «инфаркт». Он понимал, что с ним происходит. Я был потрясён таким самообладанием.

Через пять минут его не стало.

Странное, не покидающее до настоящего времени чувство вызвала во мне эта смерть. Потому что чаще всего всё бывает вовсе не так. Страх парализует волю больных. Они думают только о себе и своём состоянии, прислушиваются к изменениям в организме, до последнего вздоха цепляются за малейшую возможность жить. Всё что угодно, но лишь бы жить.

В квартирах, где нет места иконам и крестам, но зато есть плазменная панель во всю стену, где в передней просят надеть целлофановые бахилы, несмотря на тяжёлое состояние больного, вообще, бывает, разыгрываются «истерика последней минуты». Со стонами, метанием по постели, хватанием за руки, заглядыванием в глаза, беспрестанным переспрашиванием о своём положении и его прогнозе с целью поймать во взгляде врача, его голосе, словах хоть какую-то призрачную надежду на чудо исцеления.

Такие больные перед впадением в бессознательное, предагональное состояние просто «измочаливают» родных и окружающих своим страхом. Медики чувствуют себя после такого неудачного исхода обессиленными. Но не потому, что не смогли оказать помощь в полном объёме и спасти пациента. Опустошённость и потерянности испытываешь оттого, что смерть здесь победила человека.

К слову сказать, точно такие же «побеждённые» страхом больные встречаются там, где все стены увешаны иконами, столы завалены религиозной литературой, везде сумеречно мерцают лампы, а больные вместо прописанных врачами лекарств пьют только святую воду, многие литры которой в разной таре можно увидеть повсюду в квартире.

А вот после смерти того священника до сих пор, как ни странно, во мне живёт чувство тихой радости. Там смерть не одержала победу. И когда я «прокручиваю» в памяти 2–3 подобных случая из моей практики, сам собой возникает вопрос: «Смерть, где твоё жало?» (кн. Осии 13,14).